

А. О. Эксквемелин и мифология антильского пиратства

Автор: Д. Н. Копелев

Копелев Дмитрий Николаевич - доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Александр Оливье Эксквемелин - автор книги "Пираты Америки", остается одной из таинственных фигур в мемуаристике XVII века. Первое издание его воспоминаний под названием "De Americaensche Zee-Roovers" вышло в амстердамской книгопечатне Яна Класена тен Хорна в 1678 году. Оно тотчас превратилось в бестселлер, и неоднократно издавалось в различных странах. Всего за восемь следующих лет книга Эксквемелина вышла в немецком ("Americanische See-Rauber", Нюрнберг, типография Кристофера Регельса, 1679 г.), испанском ("Piratas de la America, y Luz a la defensa de las costas de Indias Occidentals", Кельн, типография Лоренцо Стрюйкмана, 1681 г.), английских ("Bucaniers of America", Лондон, типография Уильяма Крука, 1684 г., перевод с испанского; "The History of the Bucaniers of America", Лондон, типография Томаса Мальтуса, 1684 г., перевод с нидерландского) и двухтомном французском ("Histoire des aventuriers flibustiers", Париж, типография Жака Лефевра, 1686 г.) переводах¹. В 1968 г. Эксквемелина перевели и в СССР, научным редактором выступил специалист по истории великих географических открытий и Испанской Америки Я. М. Свет². История переводов Эксквемелина на русский язык продолжилась в XXI в., когда появилась сокращенная версия его очередного английского издания³.

Обе книги по сей день остаются важнейшим русскоязычным переводным источником по истории пиратства в Вест-Индии, оставленным участником событий. Книги, написанные другими авантюристами и разбойниками XVII - начала XVIII в. (Л. Уоффер, Равено де Люсан, У. Дампир, А. Коули, Б. Рингроуз, Э. Коксер, Ф. Массерти) русскоязычному читателю пока недоступны⁴. Огромный исторический материал, познавательность, тонкие замечания и яркие зарисовки жизни на Антильских островах в XVII в. превратили труд Эксквемелина в один из важнейших источников по истории колониальной Америки, позволяющий, по мнению автора предисловия к французскому изданию 1686 г. сира де Фронтиньера, "образовываться развлекаясь"⁵. Вместе с тем, личность автора, методы его работы над книгой, структурная специфика и текстовое своеобразие "Пиратов Америки" вызывают немало вопросов, заставляя исследователей не только искать материалы, послужившие "сырьем" для Эксквемелина и его редакторов, но и определять жанровую специфику этого произведения.

стр. 105

Первый вопрос, с которым сталкиваются читатели "Пиратов Америки" - фигура самого Эксквемелина, поставленного современниками в один ряд с "отцом историков Филиппом де Коммином"⁶. Как и таинственный капитан Чарльз Джонсон, автор "Всеобщей истории морских разбоев"⁷, этой библии пиратства XVIII в., Эксквемелин по сей день скрыт завесой тайны. Начнем с несоответствия в написании авторской фамилии в прижизненных изданиях Эксквемелина. В нидерландском "De Americaensche Zee-Roovers" 1678 г. он фигурировал как Exquemelin, в испанском 1681 г. - как Eksquemelin, в английских книгах превратился в Esquemeling(a) и, наконец, во французском 1686 г. сократился до Oexmelin. Совершенно курьезным выглядит имя автора в немецком издании 1679 г., в котором на титульный лист "Пиратов" вынесен некий А. О. Нюрнберг, по-видимому, обязанный своей фамилией городу, в котором была напечатана книга.

Современники явно знали об авторе "Пиратов Америки" понаслышке, и своими предположениями изрядно запутали картину. Кем по национальности был этот человек - французом, голландцем, немцем, бретонцем, фламандцем или англичанином? В 1684 г. английский издатель Уильям Крук не смог точно сказать, голландец он, фламандец или француз⁸. Испанский переводчик "Пиратов", Алонсо де Буэна-Мэзон, медик с дипломом Лейденского университета, хорошо знакомый с Эксквемелином, полагал, что он француз. Упомянутый нами ранее Фронтиньер также распознал в нем соотечественника.

Я. М. Свет придерживался голландской версии его происхождения. "Судя по всему, - писал он, - автор был соотечественником тен Хорна: писал он на голландском языке, но никаких примет, которые могли бы указывать на иноземное происхождение автора или хотя бы на длительное пребывание в странах, лежащих за рубежами Нидерландов, в книге усмотреть не удастся"⁹. Его внимание привлекала гипотеза голландских историков Г. Хогеверфа¹⁰ и Константа ван Вессена, автора предисловия к голландскому изданию 1931 года¹¹. Они полагали, что текст "Пиратов" был написан и передан тен Хорну голландским путешественником и писателем Хендриком Смиксом (1643 - 1721 гг.). Смикс служил в голландской Ост-Индской компании, побывал на берегах Западной Австралии и на Яве, а в 1666 г. заключил контракт с французской Вест-Индской компанией и отправился в колонии Нового Света, где работал врачом и собирал сведения, положенные, как считали голландские исследователи, в основу "Пиратов". Хогеверф строил свою гипотезу на предположении, что имя Эксквемелин в действительности представляет собой акроним испано-язычного варианта фамилии Смекса. В имени *Enrique Smeeks* букву *r* следует заменить на букву *l*, и тогда, перетасовывая литеры и слоги, получается сочетание, соответствующее форме *Eksquemelin*. Издание "Пиратов", полагал Хогеверф, стало не единственным эпизодом сотрудничества Смекса с типографией Яна тен Хорна. В 1708 г. он опубликовал у его сына, Николаса тен Хорна, свой роман-утопию "Описание могущественного королевства Кинке Кесмес", в которой описывал воображаемый тропический остров неподалеку от *Terra Australis*, населенный вполне цивилизованными индейцами.

Версия голландских историков продержалась не долго¹². Прошло три года после исследования Хогеверфа, и французский историк М. Врижман обнаружил в списках голландской хирургической гильдии не только имя Смекса (1666 г.), но и фамилию Эксквемелина: из записи протокола заседания коллегии следовало, что 26 октября 1679 г. Эксквемелин защитил диссертацию и получил соответствующий патент. Вопросы, правда, все равно оставались. Какой язык, например, был родным для Эксквемелина. Он, по-видимому, владел латинским языком, так как без знания этого *lingua franca* врачебных корпораций трудно было надеяться на получения диплома. Если же Эксквемелин был французом, как полагали знавшие его лично Буэна-Мэзон и Фронтиньер, почему он писал на нидерландском языке?

Сегодня в соответствии с наиболее распространенной французской версией происхождения Эксквемелина принято считать, что он родился в 1643/1646 гг. в старом нормандском порте Онфлер¹³. Его семья придерживалась

протестантизма, а отец Эксквемелина держал аптекарскую лавку. Мальчик получил неплохое образование и, пройдя обучение в коллеже Святого Иакова в Руане, перебрался в Париж и завершил курс наук в коллеже Лизье. Идя по стопам отца, Эксквемелин устроился подручным хирурга Геринье на улице Сент-Андре-дез-Арт, надеясь овладеть премудростями профессии. Однако надеждам юноши было не суждено сбыться. В 1666 г. вышел указ короля Людовика XIV, запрещавший гугенотам заниматься врачебной практикой. В поисках работы, Эксквемелин, как и

Смекс, заключил 24 апреля 1666 г. контракт на службу с французской Вест-Индской компанией. В мае на борту 28-пушечного корабля "Сен-Жан" он отправился из Гавра в Карибское море и 6 июля высадился в Пор-Марго на северном побережье Эспаньолы, откуда перебрался на остров Тортугу, владение французской короны в Вест-Индии.

Денег на оплату проезда через океан у Эксквемелина не было, и он, по обыкновению тех времен, стал кабальным слугой (по-франц. engages) и должен был теперь отрабатывать определенный срок на колониста, который согласился взять на себя расходы за его проезд. Хозяином Эксквемелина стал некий господин Лави. "Как назло, я имел несчастье попасть к самой отменной шельме на всем острове, - вспоминал Эксквемелин. - Это был вице-губернатор, или помощник коменданта. Он издевался надо мной, как мог, морил меня голодом, чтобы вынудить откупиться за триста реалов, и ни на минуту не оставлял в покое. В конце концов, из-за всех этих невзгод я тяжело захворал, и мой хозяин, опасаясь, что я умру, продал меня за семьдесят реалов одному хирургу. Но по выздоровлении я оказался совершенно наг, у меня только и осталось что рубашка, да старые штаны. Мой новый хозяин был несравненно лучше: он дал мне одежду и все, что было необходимо, а после того как я отслужил у него год, предложил выкупиться за сто пятьдесят реалов, причем он готов был повременить с уплатой до тех пор, пока я не накоплю эти деньги. Обретя свободу, я оказался гол, как Адам. У меня не было ничего, и поэтому я остался среди пиратов, или разбойников, вплоть до 1672 года"¹⁴.

На Тортуге Эксквемелин оказался в самый разгар вооруженного конфликта с Англией и военных приготовлений против Испании. Люди, умевшие врачевать, ценились на вес золота, и молодой хирург быстро нашел работу. В 1668 г. ему удалось устроиться судовым хирургом на фрегат "Дельфин" под начало майора Тортуги сэра д'Артиньи, известного среди местных флибустьеров под именем Мишеля Баска, или Мигеля Бискайца. Он недавно вернулся из успешного разбойничьего рейда под Маракайбо, возглавляемого знаменитым Олоне - возможно от него Эксквемелин и узнал детали произошедших там событий. Вскоре судьба свела Эксквемелина и с "генералом пиратов" Генри Морганом: он служил судовым хирургом на его флагманском фрегате "Сэтисфекшн" и участвовал в нападении на Панаму (1670 - 1671). Об обстоятельствах этого разбойничьих набегов Эксквемелин рассказывал весьма подробно, иногда от лица стороннего наблюдателя, иногда - как непосредственный участник событий. Заметим, что Эксквемелин был не единственным лекарем в составе флотилии Морганов. Снискали известность и другие доктора: Роберт Биндлосс, закадычный приятель и родственник Морганов, ставший впоследствии полковником, и Ричард Броун, лекарь, чудом спасшийся после взрыва флагманского корабля Морганов "Оксфорд" и также принимавший участие в захвате Панамы¹⁵.

Сведения о дальнейшей жизни Эксквемелина достаточно скудны. В Вест-Индии его профессиональная карьера не сложилась: местные врачи, недовольные появлением конкурента, написали на него донос, обвинив в отсутствии документов, подтверждающих право заниматься врачебной деятельностью. В 1672 г. Эксквемелин покинул Вест-Индию и на голландском корабле отправился в Европу. Несколько месяцев он проживал в Амстердаме, а затем вернулся в Вест-Индию и в 1674 г. был судовым лекарем на военном корабле "Het Geloof" под командой капитана Тобиаса. Затем Эксквемелин перебрался на английскую Ямайку и нашел место хирурга в Порт-Ройяле, под крылышком у своего старого знакомого сэра Генри Морганов, ставшего к тому

времени вице-адмиралом Ямайки, командующим гарнизоном Порт-Ройяла и судьей адмиралтейского суда¹⁶. Однако чтобы получить официальный статус хирурга, Эксквемелину не хватало соответствующего диплома, и он вернулся в Европу, чтобы продолжить образование.

Известно, что какое-то время "пиратский" лекарь проживал в Валансьенне (Испанские Нидерланды)¹⁷ и участвовал в кампании адмирала Мартена де Рейтера против французов в Вест-Индии и в Средиземном море (1676 г.).

В 1678 г. следы Эксквемелина вновь обнаруживаются в Амстердаме, где он предложил тен Хорну издать свою книгу. Однако его привлекала не только писательская деятельность, но и огромные возможности для совершенствования медицинских навыков, которые предоставляла Голландия с ее анатомическими театрами, научными библиотеками и кабинетами естественной истории¹⁸. В его родной Франции многие пути для профессионального роста были перекрыты. Причиной являлись не только конфессиональные моменты, препятствующие протестантам вести врачебную практику. Сказывались многовековые культурные традиции, превратившие докторскую корпорацию в закрытую для чужаков "кастовую" систему, нравственно-этические нормы, представлявшие препарирование трупов осквернением умерших, монополия Парижского медицинского факультета на проведение анатомических опытов и трудности с обеспечением медиков мертвыми телами¹⁹.

Проживая в Амстердаме, гугенот Эксквемелин поддерживал тесные знакомства в местной сефардской общине²⁰. Благодаря приятельским отношениям с испанским переводчиком своей книги, марраном Алонсо де Буэна-Мэзоном, жившим с ним в одном доме, Эксквемелин приобрел полезные знакомства в среде еврейских эмигрантов с Пиренейского полуострова. Среди его знакомых выделялся поэт, географ и историограф местной еврейской общины дон Мигуэль де Барриос, в сефардских кругах называемый Даниил Леви де Барриос. Этот опытный вояка, служивший капитаном испанских войск в Брюсселе в 1662 - 1665 гг., был хорошо известен в Амстердаме, а его портретное изображение, возможно, запечатлел Рембрандт ван Рейн на полотне "Еврейская невеста" 1665 года. Подобно Эксквемелину, де Барриос в 1660 г. отправился в Новый Свет, добрался до острова Тобаго, однако из-за скорострительной кончины молодой супруги был вынужден спешно возвратиться в Амстердам. Со своим другом Дуарте Лопесом Роза, или Мозесом Розой, известным португальским ученым, он порекомендовал Эксквемелина своему близкому знакомому, печатнику-сефарду Давиду де Кастро Тартасу, занимавшемуся изданием еврейской литературы и "Амстердамской газеты". Оба ученых внесли свой вклад и в испанский перевод книги Эксквемелина: Барриос написал к ней предисловие, сопроводив его сведениями об островах Вест-Индии, а Роза поместил в книге написанный им сонет. Давид де Кастро издал книгу Эксквемелина в своей типографии в Амстердаме, поместив на титульном листе фиктивную кельнскую типографию Стрюйкмана²¹.

В начале 80-х гг. Эксквемелин вновь объявился на Ямайке, в октябре 1682 г. служил хирургом в Пти-Гоав, а затем вернулся в Старый Свет. Он поселился в Париже и в сентябре 1684 г. в церкви Сен-Жермен-де-Пре отрекся от протестантизма и принял католическую веру. В 1686 г., привлеченный к участию в работе одной из комиссий французского военно-морского флота, Эксквемелин подготовил отчет о реке Чагрес и, как можно предположить, выступал консультантом по навигации в Вест-Индии. Тогда же Эксквемелин был представлен вице-адмиралу графу д'Эстре, который читал испанскую версию его книги. Старый адмирал проявил к ней интерес, и, по словам Фронтиньера, сопроводил издание лестно-ироничной оценкой труда автора, заявив: "Если бы все путешественники подобно Вам рассказывали бы о странах и всем, что они в них увидели, не было бы нужды отправлять в эти края самим"²².

Есть данные, что Эксквемелин еще два раза побывал в Вест-Индии: в 1685 г. он принимал участие в нападении шевалье де Граммона на Кампече, а в 1697 г. участвовал в корсарской операции барона де Пуэнти по захвату Картахены. Точная дата смерти Эксквемелина неизвестна.

Определив основные вехи на жизненном пути Эсквемелина, обратимся к тексту его книги. Один из первых моментов, заставляющих насторожиться - заглавие книги. Привычное русскому читателю название "Пираты Америки" несет совершенно определенную смысловую нагрузку, которая придает соответствующий криминальный подтекст описываемым событиям. Дело в том, что в XVI-XVII вв. Испанская Америка и, в частности, островные владения в Вест-Индии, представляли собой пограничную зону, перманентно открытую для проникновения европейских военно-морских держав. Разумеется, Испания рассматривала европейцев как незаконных агрессоров и именовала их пиратами. В молодых же колониальных империях, Франции, Англии и Республике Соединенных Провинций, к терминологии относились намного более осторожно: например, во французском издании 1686 г. Эсквемелин вместо слова "пират" употребляет термин "авантюрист", которое несет совершенно иную смысловую направленность и подразумевает деятельного человека, склонного к принятию рискованных решений и способного к неординарным поступкам. Но почему слово "пират", характерное для испано-язычной литературы, проникло в русский перевод, и являются ли синонимами "пирату" "морские разбойники", "буканьеры" и "авантюристы флибустьеры", вынесенные в оглавления нидерландского, французского и английских изданий?

Пиратство никогда не было однозначным и абстрактным понятием, оно всегда принимало конкретные формы и варьировалось в зависимости от территории, правовых рамок и тех жизненных обстоятельств, в которых действовали разбойники. Первым делом это нашло отражение в терминах. Из довольно запутанного перечня трансформаций, которые претерпело архаичное "пират", сегодня затруднительно выделить наиболее употребительный вариант, который в равной степени удовлетворял бы на заре Нового времени подданных различных государств²³. В Европе распространенными вариантами-синонимами для обозначения морского разбойника, бандита, авантюриста были *pirate*, *escumeur de mer*, *corsaire*, *ladrone*, *forban*, *brigand*, *pillard*, *bucanier*, *flibustier* - и все люди, получившие подобные наименования, воспринимались подданными различных европейских государств совершенно не однозначно. Для испанцев, например, любые моряки, контрабандисты, колонисты, торговцы, проникшие в закрытые для европейцев испанские моря, - "люди вне закона", пираты, разбойники, *ladrones*. Разумеется, сами европейские "пришельцы", отнюдь не всегда появлявшиеся в испанских или португальских морях для грабежа, воспринимали себя в ином качестве²⁴.

Сегодня вряд ли возможно проникнуть в языковой мир тогдашних обитателей Европы. Мы можем лишь предположить, что созвучнее другим слову "пират" в XVI-XVII вв. было франц. *forban*, к которому по смыслу, в общем, близки "бандит", "разбойник". Происходя от старо-франц. *forbannir*, *firbannjan* - "изгонять, отправлять в ссылку", - слово "форбан" буквально означало некоего "изгоя", отринутого обществом человека, пустившегося ради обогащения на вооруженный морской грабеж и ставшего пиратом. Священник Жан-Батист де Лаба, переживший нападение этих бандитов, видел в "форбанах" самых настоящих "врагов государства", воров, вышедших в море без официального документа, позволяющего охотиться за призами. Этих отщепенцев "итальянцы называют бандитами, от слова *bando*, которое означает "эдикт" или "приговор", в соответствии с которыми их приговаривают к высылке и изгоняют из страны в качестве наказания"²⁵. Эти форбаны были очень опасны. "Встреч с ними следует бояться, особенно если это испанцы, поскольку в большинстве своем все они мулаты, люди жестокие и лишенные рассудка, которые мало кому дают пощаду. Куда меньше риска попасть в лапы французам или англичанам - они более гуманны и с ними можно договориться; главное - избежать их первого приступа ярости, после чего с ними можно свыкнуться и выпутаться из передраги"²⁶.

В ряде случаев конкретные традиции и понятия морской жизни, прочно укоренившиеся в сознании морского сообщества как связанные с разбоем, уходят корнями в старинные правовые

бопытных отнесем франц. pillage. В более позднюю эпоху значение этого французского слова расширилось, и под определение pillage попал разбой, грабеж на море как таковой. Соответственно и производные его: pillard - "хищник, грабитель, громила"; piller - "грабить, расхищать" - наделены смыслами некоего насильственного действия. Исторически же в понятии pillage заложен не столь уж однозначный контекст и обнаруживается старинная норма морского права, трансформировавшаяся в расширительно воспринятое понятие. Pillage восходит к старо-франц. p(e)ille - от лат. pilleum - "тряпка, лоскут, тряпье". Морской обычай понимал под "пийжем" разрешение экипажу на захват имущества, одежды, драгоценностей лиц, находившихся на взятом судне. Французские королевские ордоннансы 1543 и 1584 гг. оговаривали, что сумма захваченного не могла превышать 10 экю²⁷.

Та же двойственность присутствует и в понятии esumer, которым часто пользуется Эксквемелин. Обычно оно переводится как "пенитель (моря)" и подразумевает пирата. И действительно, переводя esumer les mers, esumer les cotes как "пенить волны", "бороздить моря", мы придаем термину литературные коннотации, вслед за Виктором Гюго, писавшим об "отважных пенителях в море". Но esumer может также иметь значение "снимать пену, наживаться, захватывать, разграбить". Дополнительный подтекст для esumer les mers мы получим, сопоставив его с выражением esumer de marmites, означающим лизоблюда или прихлебателя, ошивающегося вокруг стола и мечтающего "снять пенку". В конце концов, любой выходящий в море "пенит" и "бороздит" его волны, однако далеко не каждый занимается "снятием пенок" или, говоря иначе, попутно не прочь чем-нибудь поживиться. В существительном esume присутствует еще один любопытный нюанс. В широком смысле это "накипь, шлак, окалина", и, соответственно, esumer уже выглядит как "морское отребье". Поэтическое "пенители волн" трансформировалось в определение морских разбойников, "морских лихоимцев", человеческую накипь.

Пираты Вест-Индии вошли в историю под названиями буканьеры и флибустьеры. По сути дела, и те и другие - "географические разновидности" морских разбойников, а происхождение самих слов связано с историей Испанской Америки. Многочисленные пустынные острова Вест-Индии с конца XVI в. часто посещали моряки и искатели приключений, а затем на них начали перебираться европейские переселенцы. Среди них оказывалось немалое число людей, в глазах закона более чем подозрительных: беглые преступники и рабы, солдаты-дезертиры, уголовники, матросы, жертвы кораблекрушений, кабальные слуги, нищие, бродяги, разорившиеся торговцы, авантюристы различных мастей. Вся эта разношерстная публика находила на островах убежище и постоянные занятия: они охотились на диких свиней, буйволов и крупный рогатый скот, обрабатывали кожи, рубили лес, провозили контрабанду, выжигали поля для разведения табака и сахара, разбивали плантации и занимались обработкой земли. Постепенно за некоторой частью нового населения островов закрепились названия "буканьеры" и "флибустьеры".

Буканьерами (франц. boucanier, boucaner) традиционно называли лесных охотников из французских поселенцев (главным образом, нормандцев), обосновавшихся в начале XVII в. на принадлежавших испанской короне островах в Карибском море. Вокруг происхождения слова "буканьер" по сей день остается много не до конца проясненного. Французский миссионер аббат Жан-Батист дю Тертр усматривал в этом слове индейские корни и отмечал, что в основе его лежит слово boucan - "разновидность деревянной решетки, сделанной из нескольких жердей и установленной на четыре рогатины: на них буканьеры жарят свиней..."²⁸. То есть нечто, подобное современному "барбекю". Правда, как сетовал историк Сан-Доминго, аббат-иезуит Пьер-Франсуа-Ксавье де Шарлевуа, "этот

автор (дю Тертр. - *Д. К.*), к сожалению, забыл сообщить, из какого индейского языка оно пришло"²⁹. Современные исследователи, впрочем, подтверждают суждения дю Тертра в отношении происхождения слова, и соотносят boucan с mouket, упоминаемым в одном португальском отчете, датированном 1578 году. На языке юж-

стр. 110

ноамериканской группы тупи-гуарани оно означало "копченое мясо"³⁰, нарезанное длинными кусками и приготовленное на решетке, установленной на углях. Так же готовили его и карибские индейцы, которые ели "куски копченого мяса, куски букана"³¹. "Они разрезали мясо на длинные ремни, солили его и укладывали на решетке на угли, называемые ими барбако. Мясо медленно копилось там, обретая одновременно нежный вкус"³². Как мы видим, в том или ином варианте boucan связан с жаровней, на которой коптили мясо. Внимательный Шарлевуа подчеркивал именно этот момент. "Их называли буканьерами, - писал он, - ибо после охоты они собирались и коптили мясо, как это делали дикари"³³. В таком расширительном ключе некоторые историки возводят boucan к названию жилищ этих лесных бродяг, где они солили и коптили мясо убитых животных, сушили их шкуры³⁴. Эти их жилища состояли из "больших шалашей, покрытых сверху, но без стен; они защищали от дождя и солнца, но не противопоставляли никакой ограды ветру, с какой бы стороны ни дул он"³⁵. В одном из таких буканов побывал Лаба. Его радушно встретили проживавшие в хижине охотники. "У них было много засушенного мяса, часть мяса копилась, и еще лежали только что убитые два или три поросенка. Мы с аппетитом и очень весело поужинали. Я прихватил с собой водки и вина"³⁶. По-видимому, последний вариант происхождения слова boucan - завершающий "аккорд" в этимологических трансформациях, которые претерпел индейский способ приготовления мяса; название жилищ охотников, готовивших мясо "на костре", "в дыму" - вторичного происхождения³⁷.

В более широком смысле буканьерами стали называть охотников на диких буйволов и диких свиней, занимавшихся этим промыслом, чтобы "добыть кожи" и "продать мясо"³⁸. Одевались охотники в пропитанные смолой, дегтем и кровью убитых животных рубашки-куртки из плотного полотна, которые со временем превращались в настолько твердый "панцирь", что пробить или разрезать такой кожух можно было, только приложив немалые усилия. В широких штанах из грубого холста, обрезанных ниже колена, башмаках из свиной кожи, подвязанных сзади кожаными тесемками, перепоясанные ремнями и "спальными" мешками, в круглых шляпах, они выглядели как самые заправские лесные бандиты. Дю Тертру они напоминали "омерзительных слуг мясников, проводивших на бойне дней по восемь, не умываясь"³⁹. Буканьеры вооружались кремневыми мушкетами с длинными стволами или пищалями со свинцовыми пулями-шариками. Выстрелы производились горстью сыпавших в дуло круглых пуль, причем из-за сильной отдачи мушкета стрелять из него приходилось не от плеча, а от бедра. Надо сказать, что буканьеры предпочитали не использовать во время охоты ружья и старались взять добычу ножами, мачете и корсарскими саблями с коротким лезвием - маншеттами. Выжить в одиночку в лесу было невозможно, поэтому охотники делились на небольшие братские артели, по пять-шесть человек, и вели относительно оседлый образ жизни, "не сходя с места месяца по три-четыре, иногда даже и по году"⁴⁰. Едва занимался день, они со сворой собак и слуг отправлялись в лес на охоту. Один буканьер нес ружья, другой гнал собак, кто-то оставался у букана готовить пищу. "Убив какого-либо зверя, они, по обычаю, сразу же приступают к обработке туши: выпускают из костей мозг и, прежде чем туша остынет, сдирают с нее шкуру. Один из охотников берет эту шкуру и относит на место сбора"⁴¹. Создавая своего рода мужскую артель, куда закрыт доступ женщинам⁴², буканьеры большую часть времени проводили в лесу, наведываясь в населенные пункты, лишь чтобы продать заготовленные за сезон мясо⁴³ и шкуры, поразвлечься да пополнить запасы табака, полотна, пуль и пороха. Об этих искуснейших стрелках и умелых заводчиках-собаководов ходила мрачная молва как о не знающих

удержу и отчаянно жестоких головорезах. "Говорят, что лучше три года пробыть на галерах, чем служить у буканьера", - замечал Эксквемелин, который сам несколько лет пробыл слугой на плантациях и знал, о чем говорит⁴⁴.

Буканьеры, обосновавшись на территориях, принадлежавших Испанской короне, вели себя хозяйски независимо. Они не признавали местных

стр. 111

властей, не платили податей и вели контрабандную торговлю с местным населением, нарушая испанскую колониальную монополию. Вот что сообщал о необузданных обитателях побережий Антильских островов в официальном донесении от 20 июля 1665 г. правитель Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго Бертран д'Ожерон: "...семь или восемь сотен французов рассеяны по берегам острова Эспаньола в недоступных местах, окруженных горами или большими скалами и морем, откуда они могут переходить с места на место в маленьких ботах. Собравшись группами по тридцать, сорок или шестьдесят человек, они располагаются в найденных ими подходящих местах на расстоянии шести, восьми или пятнадцати лье. Живут они подобно дикарям, не признавая никакой власти, и без каких-либо начальников, и совершают тысячи преступлений. Они грабят многие голландские и английские суда, чем причиняют много беспокойства. Живут они, питаясь мясом диких свиней и быков и выращивая немного табака, который обменивают на оружие, провизию и одежду..."⁴⁵.

Кого имел в виду хорошо знавший местные особенности д'Ожерон, описывая образ жизни обитателей неприступных уголков Эспаньолы? Ведь известно, что именно буканьеры облюбовали "Большую землю", как они называли этот испанский остров. Что же касается резиденции правителя Тортуги, то эту "Малую землю" охотники использовали как "место отдохновения". Характерно, что в качестве излюбленных занятий обитателей Эспаньолы правитель выделяет два - ходить в море и грабить европейских торговцев, тогда как, например, процитированные нами дю Тертр и де Шарлевуа, напротив, подчеркивают их склонность к жизни на суше. Неясностей здесь предостаточно, что, впрочем, немудрено - ведь население островов было крайне неоднородным, а потому и профессиональные занятия эти люди выбирали себе самые разные.

Начнем с того, что в соответствии с принятой в историографии традицией считается, что поселившиеся на островах буканьеры большей частью происходили из Нормандии, сурового морского края Французского королевства, издревле славившегося моряками и рыболовами. Не случайно и Тортуга получила поначалу известность под названием "Новая Нормандия"⁴⁶. Казалось бы, трудно допустить, что, перебравшись на новые территории, расположенные в самом сердце испанских владений, "труженики моря" изменили своему призванию. Другое дело, что ему служили подспорьем другие занятия, в том числе охота и заготовка мяса, ведь невозможно представить моряка, который бы выходил в море, не заготовив солонины и копченого мяса. В родных же французских портовых городках, где инфраструктура и товарообмен давно уже определили профессиональную специализацию различных групп населения, проблема снабжения стояла не так остро, как на новых землях. Выходившим в море приходилось обеспечивать себя пропитанием собственными силами, а значит волей-неволей заниматься охотой. Возможно, они охотились в определенные сезоны или же подразделялись на специализированные группы, но чтобы одновременно обеспечить себе хлеб насущный и предпринимать действия на море, необходимо было заниматься и охотой, и морским промыслом.

Разумеется, в связи с большим наплывом иммигрантов из Европы на Антильские острова,

национальный состав населения там менялся, и занятия местных жителей разнообразились. Габриэль Дебьен, например, специально занимавшийся социальной историей французских Антильских островов, подчеркивал смешанность и космополитичность их населения, среди которого было полно гонуэзцев, фламандцев, голландцев, англичан, мальтийцев, пьемонтцев, жителей Льежа, испанцев и ирландцев⁴⁷. Люди различных профессий, они вербовались на острова и занимались подчас, чем придется. Среди выделенных историком представителей различных профессий мы обнаруживаем и сельскохозяйственных рабочих, и строителей жилых домов и укреплений, и столяров, и обработчиков металла, и работников на сахарных плантациях, и поваров, и сапожников, и пекарей, и лекарей, и конопатчиков. По мере расширения социального спектра жизни на островах колонисты, занимавшиеся буканьерством в лесу, все более обособлялись и об-

стр. 112

разовывали некие маргинальные сообщества. Уходя на "Большую землю", куда-нибудь в глухомань, они на время теряли свои социальные связи. Так, в 1668 г. двадцатилетний Жан Гаро, заключив специальный контракт с жившим на Эспаньоле купцом Тома Дону, ушел на три года в местечко Кюль-де-Сак (франц. "тупик") на Эспаньоле. Работодатель предоставлял охотнику оружие - "мясо-бой, как это называют на островах"⁴⁸, - шесть фунтов пороха и свинца и шесть локтей полотна на палатку⁴⁹. Попробуем представить, как поступит Гаро, спустя три года вернувшись из этой глухомани? Возобновит ли он контракт с Дону или другим торговцем, продолжив свои шатания по лесу? Переменит ли род занятий, вспомнив о своей прежней профессии? Может быть, он решит взять в руки мотыгу и заделаться земледельцем, используя поля Эспаньолы для выращивания табака? Последний вариант, кстати, упоминал Эксквемелин, сообщая об охотниках, разбивших плантации табака в тех же местах на северо-западном побережье у Кюль-де-Сака. Находясь в безопасности от испанцев, которые "добраться туда не могут", бывшие буканьеры разбивали участок земли на делянки и, "не имея ничего за душой", принимались задело. Они основывали товарищество, закупали мотыги, ножи, кирки, разделяли привезенные припасы и строили домик, где жили в ожидании лучших времен.

Здесь впору припомнить одно важное обстоятельство, связанное с более широким значением слова "буканьер" в английском языке. В 1586 г. Фрэнсис Дрейк, говоря о "буканьерстве", имел в виду рейд в американские воды, осуществленный силами частных лиц и не санкционированный высшими властями⁵⁰. Выходит, что Дрейк, который сам зачастую обходился без разрешения правительства, прекрасно отдавал себе отчет в незаконности своих действий и фактически отождествлял "пиратство" с "буканьерством". Естественно, испанские власти воспринимали Дрейка и подобных ему "буканьеров", хозяйничавших в испанских морях, как обычных пиратов и потому отвергали любые претензии британцев представить себя "слугами" государства⁵¹. Одновременно среди англоязычных иммигрантов и бродячих моряков появилось еще одно понятие, близкое французскому варианту "буканьерства". Они стали называть островных охотников "кау-киллерами" ("убойщиками коров") и считали их самыми отпетыми среди разномастного населения Вест-Индии. Наиболее страшным наказанием, например, было оставить жертву на каком-нибудь берегу, где поблизости обитали эти молодчики⁵². Британские "кау-киллеры", "сородичи" французских буканьеров, которых испанцы также называли "убойщиками быков" (*matadores de tores*)⁵³, по сути, отличаются от них лишь названием, ибо образ жизни они вели сходный и тоже были в одном лице контрабандистами, пиратами, добытчиками мяса и вооруженными головорезами. Так же, впрочем, как и "дровосеки" залива Кампече, среди которых в 1675 - 1678 гг. затесался молодой Уильям Дампир⁵⁴. В целом закономерно, что с 1680 - 1690-х гг. слово "буканьер" почти повсеместно перестало ассоциироваться с профессией охотника и теперь обозначало человека, вышедшего в море с целью грабежа. Отсюда и широкое употребление понятия "буканьер" в одном ряду с такими терминами, как "морской разбойник", "вест-индский пират", то есть с теми, кто преследовал и

грабил торговые суда с целью наживы, а также идентификация их с "грубой чернью на Ямайке" и грязным сбродом, шатающимся по Ямайке"⁵⁵.

А могли ли буканьеры, которые, появившись на испанских островах, занимались "мирной" контрабандой и воевали с испанцами на суше, спустя несколько десятилетий перейти к морскому разбою. Да и правомерно ли вообще ставить вопрос таким образом?

Обратимся к документальному свидетельству английского колониста Рича Блоума. Он подробно описывает Ямайку, окружавшие ее территории и анализирует состояние дел на недавно захваченном британцами острове, касаясь в числе прочего и занятий местного населения, которое он разбивает на две основные группы. Первая - это жители самой Ямайки, ее приходов, общей численностью около 15 тыс. человек. Вторая - "относящиеся к острову приватиры, охотники, шлюпари и лодочники ("sloop and boatmen"),

стр. 113

курсирующие вокруг острова, числом около 3000 человек, здоровые и решительные вооруженные люди"⁵⁶. Разве "шлюпари и лодочники", упомянутые Блоумом, не напоминают людей из донесения д'Ожерона, которые снуют в ботах между скалами и островами? Блоум отделил их от "охотников" и фактически описал прогремевших по всему миру своими грабежам флибустьеров.

Этимология слова "флибустьер" (голланд. *vrijbouter*, англ. *flibutor*, исп. *filibuster*, франц. *flibustier*) и его последующие метаморфозы тоже весьма причудливы. По-видимому, в основу его легло старольежск. *vríbute*, *vríbuteur* - "разбойник с большой дороги"⁵⁷, со временем давшее голланд. *vrijbouter* (*vrij* - "вольный", *bouter* - "добыча, пожива"), обозначавшее вольного добытчика, того, кто пошел на разбой⁵⁸. Сходного происхождения и англ. *free booty* - "добыча, взятая в разбойничьем промысле". Подразумевались под флибустьерами морские пираты, "форбаны", люди, "воюющие ради грабежа"⁵⁹. Один из вариантов слова дал жизнь названию маленьких маневренных лодчонок и суденышек, "флиботов", на которых флибустьеры выходили брать добычу⁶⁰.

Эту вольную публику аббат Шарлевуа описывает, терзаемый смешанным чувством горечи и гордости: "По всей видимости, среди авантюристов... назвавшихся флибустьерами, пребывали не самые честные люди, и не было ничего ужасней и вместе с тем незначительней, чем это опасное воинство в момент своего возникновения. У первых людей, избравших такой образ жизни, не было ни судна, ни снаряжения, ни лоцманов, ни запасов провианта: отвага и смекалка за короткое время восполнили все недостающее. Начали они с того, что объединились и образовали небольшие сообщества"⁶¹.

Уникальный разбойничий мир Вест-Индии дал им еще одно удивительное наименование. Авантюристы, искатели приключений, головорезы, охотники и убийцы, именовавшиеся "береговыми людьми" ("*gens de la cote*"), называли себя не иначе как "береговые братья" ("*freres de la cote*"), входя в состав негласной ассоциации разбойников с необычными и суровыми законами и пиратским кодексом чести. Каждый из вооруженных отрядов флибустьеров приобретал лодку, шлюп или небольшой одномачтовый "бриг", как они окрестили судно размером приблизительно 20 м в длину с экипажем до 25 - 30 человек. Лавируя среди островов, флибустьеры совершенствовали свои лоцманские и моряцкие умения, и в мастерстве управлять парусом им не было равных. Знатоки подводных течений, они ловили водные потоки и, установив дополнительные паруса, могли неожиданно резко увеличить скорость своих с виду неказистых судов. Прекрасные стрелки, способные снять одним выстрелом матросов, правящих парусами, они лишали атакованное судно

возможности маневрировать и, подобравшись с наветренной стороны, шли на abordaj. Опиравшиеся на негласную, а в период войн и открытую поддержку правительств Франции, Англии и Республики Соединенных Провинций, заинтересованных в захвате испанских островов Вест-Индии, буканьеры и флибустьеры превратились в мощное орудие в борьбе за колонии.

На примере "группировок" буканьеров и флибустьеров наглядно видно, до какой степени формализовано осуществлялся "дележ" социального пространства Антильских островов в Европе. Уподобляя отряды и буканьеров и флибустьеров вооруженным армиям, действовавшим порознь и время от времени объединявшимся для "войны" против испанцев, авторы того времени тем самым создавали некую социальную конструкцию, которую выстраивали в рамках механистической логики, свойственной эпохе. Откроем "Общий словарь торговли" Жака Савари де Брюлона, первое издание которого вышло в 1723 году. "На этом острове, - пишет он о Тортуге, - имеющем в окружности около 16 лье, произошел раздел этих авантюристов на три сообщества. Одни занимались охотой и известны под именем буканьеров, так как они коптили на манер индейцев. Другие, продолжающие ходить по морю и нападать на испанцев, - флибустьеры... Третьи же возделывают землю и зовутся поселенцами. Из этих трех сообществ поселенцы оставались на Тортуге, буканьеры переселились на Сан-Доминго, а флибустьеры держали море; эти последние, между тем, время от времени возвращались на Тортугу и

стр. 114

делились награбленным с двумя другими группами, получая съестные припасы, либо овощи, либо живность, которую они выращивали на своем острове"⁶². То есть все функционально распределено, упорядочено, обнаруживает цельность, единство, подобно некоему органично устроенному телу. Оседлые поселенцы сажают табак, овощи, сахар, они снабжают и кормят "добытчиков". Полуоседлые буканьеры живут в лесу и приносят в "общий котел" кожи, шкуры и мясо. Флибустьеры, "кочевая" группа, ходят в море, "добывают испанца" и снабжают колонистов контрабандными товарами. Сходную модель островного сообщества, жители которого заняты охотой, полеводством и каперством, находим и у Эксквемелина, бывшего буканьера, тонко уловившего дух времени. Он, правда, не забывал своего прошлого, когда он был слугой: слуг тоже нужно было куда-нибудь пристроить. Выбор, однако, все из той же триады: морской разбой, охота либо табачные плантации.

Эксквемелину во многом вторит и аббат Шарлевуа. В новой колонии он выделял четыре типа людей. Это буканьеры-охотники, мореходы-флибустьеры, земледельцы (они же поселенцы) и вольнонаемные (последние, как правило, живут бок о бок с поселенцами). Все вместе они составили "сообщества авантюристов", которые "между собой жили в добром согласии и утвердили общество с демократическим правлением. Каждый свободный человек обладал в своем жилище деспотической властью..."⁶³. Прозаичнее - и практичнее - смотрит на вещи государственный служащий Бертран д'Ожерон - по своему рангу "управленца". Он не столько детализирует и формализует известные ему сведения, сколько размышляет, как ему заручиться поддержкой этих людей - "грозы морей" - и защитить от них свою колонию. Слова, в конце концов, остаются словами, термины - терминами, а действовать нужно, применяясь к окружающей обстановке. Мысль д'Ожерона словно подхватывает один из его преемников. Спустя почти двадцать лет правитель Тортуги Пьер Поль Тарен де Кюсси в донесении парижским властям особо подчеркнул социальную неоднородность населения на вверенных ему островах. Половина всех флибустьеров, обитавших на Тортуге, "живут здесь, так как наибольшая их часть не без пользы для себя обзавелась жилищами, куда они удаляются и где пребывают без забот. Таким образом число жителей увеличивается, при том что не становится меньше и флибустьеров, которые хотят время от времени выходить в море, оставляя хозяйственные хлопоты и содержание жилищ своим

товарищам"⁶⁴. В результате, часть флибустьеров, или "заведомых" пиратов, слоняется где-то в море, а может быть, охотится в лесу или обитает "среди скал" у побережья. Половина же, как будто оседлы и имеют дома, то есть, в соответствии с формальной классификацией, они выступают скорее поселенцами. Но они же "хотят" время от времени ходить в море, чтобы "жить без забот". Но если табачная плантация вполне обеспечивает им такую райскую жизнь, зачем тогда они выходят на промысел в море?

Вопрос, на первый взгляд, риторический, в действительности вновь заставляет нас отойти от чистой терминологии. Сложный смешанный мир Антильских островов трудно вместить в строгие, раз и навсегда данные понятия. Стройность и четкая иерархичность критериев разбойного промысла хороша лишь на бумаге. И многие современники, не мудрствуя, старались просто изложить известные им факты, пересказать ход событий, свидетелями которых им довелось стать волей случая. Иногда мимоходом они дают определения пиратских ремесел в меру собственного понимания, или пересказывая услышанное или вычитанное. Люди, наделенные большей исследовательской жилкой, скорее склоняются к созданию разного рода классификаций, пытаются придать материалу системную цельность. При этом зачастую каждый действует на свой страх и риск, считая, видимо, что его концепция точнее прочих отражает действительное положение вещей. На самом же деле единая, раз и навсегда данная классификация вряд ли вообще возможна ввиду многозначности большинства понятий. Миры флибустьеров, "кау-киллеров", "шлюпарей и лодочников", буканьеров и параллельные им миры табачных плантаторов, контрабандистов, кабальных слуг, бочаров и трактирщиков -

стр. 115

все это единый сложнейший социальный организм пронизанный хитросплетением разнообразных связей, все ячейки которого "работают" на целое.

Находясь в зоне перманентного вооруженного конфликта этот социальный организм выработал агрессивную стратегию жизнедеятельности и демонстрировал постоянную готовность к сопротивлению, отвечавшую интересам европейских держав, вступивших в борьбу за Испанскую Америку. Эта модель военного социума была достаточно четко организована, и, главное, имела законодательное прикрытие. Морские разбойники получали возможность пользоваться каперскими грамотами, превращавшими их в "солдат" той или иной державы⁶⁵.

К услугам каперов губернаторы колониальных владений прибегали не только в войне против испанцев. Когда, например, в очередной раз обострились англо-французские отношения, французский губернатор од'Ожерон пригласил на Тортугу английских буканьеров и всеми силами пытался склонить их на свою сторону⁶⁶. Его преемник Жак Непве де Пуансэ вынужден был считаться с тысячей с лишним флибустьеров, обосновавшихся во владениях французской короны. "Обычно они занимаются каперством и нападают на испанцев; - буднично сообщал он в 1677 г. - 600 из них находятся под командованием некоего маркиза де Ментенона. Они никогда не исчезают надолго" и не желают подчиняться никому, в том числе и королю⁶⁷. Впрочем, несмотря на многочисленные издержки, сопровождавшие обращение к их услугам (невозможность контроля над "бродягами", их слабая дисциплина, особые финансовые требования, независимость, собственные начальники) альтернативы для колониальных правителей зачастую просто не оставалось.

Более того, в условиях колониальной Вест-Индии руководители флибустьеров вовсе не воспринимались своими соотечественниками в качестве неких маргиналов бандитов. В большинстве своем офицеры-дворяне, они выступали органичным социальным компонентом

островного пространства, выполняя соответствующие экономические, политические и военно-оборонительные функции. Современники, наподобие аббата Жана-Батиста де Лаба, встречаясь с капитанами флибустьерами, совсем не чувствовали в них врагов отечества, более того, говорили о них уважительно и с почтением - это ведь не какие-то форбаны без рода и племени. Лаба был знаком и водил дружбу со многими из командиров корсарских кораблей: капитанами Керку, Ламбером, Пинелем, Стивом. В числе таких солидных людей мы встречаем, например, упоминаемого Эксквемелином Шарля-Франсуа д'Анжена, маркиза де Ментенона⁶⁸.

Утверждение Я. М. Света "Она достоверна от первой до последней строки"⁶⁹, разумеется, вызывает справедливые сомнения. Собственно говоря, сам жанр мемуарной литературы предполагает авторскую интерпретацию событий, и она, в той или иной мере, носит предвзятый характер, и зачастую меняет картину описываемых событий. Это несколько не умаляет значения книги Эксквемелина, побывавшего в невероятных передерягах. От него мы узнаем крайне важные свидетельства, проливающие свет на необычные и малоизвестные, по другим источникам, эпизоды, касающиеся повседневной жизни европейцев в Вест-Индии. Однако некоторые черты авторского повествования не могут не оставить вопросов.

Чем, например, можно объяснить, что повествование Эксквемелина, местами очень личностное и образное, неожиданно сменяется длинными этнографическими и географическими описаниями, более подходящими для научных трактатов. Недюжинный мастер интриги и закрученного сюжета словно забывает на время о главной линии своего повествования. Одним из объяснений, разумеется, может стать ссылка на специфику литературы XVII века. Достаточно вспомнить книги другого буканьера, Уильяма Дампира, часто построенные по тому же принципу. Однако прислушаемся к словам Фронтиньера, заявившего в анонимном предисловии к изданию 1686 г., что он значительно изменил авторский текст. В нем, конечно, описано много интересных и любопытных вещей, но некоторые отрывки показались ему странными, а в целом "рукопись была трудна для понимания и еще более трудна для

стр. 116

понимания читателями"⁷⁰. Фронтиньер признается, что показывал рукопись Эксквемелина "знающим людям", и они подтвердили многое из рассказанного автором. Можно предположить, что беседы с этими оставшимися неизвестными читателями помогли Фронтиньеру в работе с текстом. Ему вторил Ян тен Хорн, подчеркивавший, что переработал оригинал и добавил некоторые куски, чтобы привлечь внимание читателей. Как тут не вспомнить догадку автора предисловия к новому английскому переводу Эксквемелина Джека Бичинга, полагающего, что тен Хорн привлек к работе над рукописью Эксквемелина хорошо знакомого ему доктора Смекса⁷¹. По-видимому, схожими принципами руководствовался и переводчик Эксквемелина на испанский язык лекарь-сефард Буэна-Мэзон, и его французский издатель Жак Лефевр.

В какой же степени мы тогда можем говорить об аутентичности авторского текста. Сравнительный анализ, проведенный Реалем Уэлле, показал, что французская версия 1686 г. намного более длинная, нежели нидерландская версия тенхорновского издания 1678 г., положенная в основу русскоязычного перевода 1968 года. Там, где в "De Americaensche Zee-Roovers" присутствовала лишь короткая ремарка, французский текст расширился. Появились главы об испанской Терра Фирма⁷², Кубе и ее портах, о загонах для скота, о крокодилах введены новые действующие лица, в частности знаменитый Монбар Истребитель⁷³. Кто являлся автором вставок: сам Эксквемелин, французский переводчик Фронтиньер, переписчик издателя Лефевра? Ответов на этот вопрос нет ввиду отсутствия оригиналов авторской рукописи, что позволило М. Врижману и М.-К. Камю предположить изначальное существование двух оригинальных рукописей Эксквемелина: первый

вариант лег в основу нидерландского издания "De Americaensche Zee-Roovers", а второй послужил источником для французского издания "Histoire des aventuriers flibustiers".

В свою очередь, Уэлле, пытаясь обнаружить источники вставок и заимствований, обратился к анализу известных во Франции классических трудов об Антильских островах. Это были, в первую очередь, монументальная "Естественная и моральная истории Индий" ("Historia natural y moral de las Indias") испанского миссионера-иезуита Хосе де Акосты, вышедшая в свет в Севилье в 1590 г. и выдержавшая три французских (1600, 1606 и 1616 гг.) издания, и капитальные труды упоминавшегося ранее аббата дю Тертра, прозванного современниками "Геродотом Антильских островов": "Всеобщая история Сент-Кристофера, Гваделупы, Мартиники и других островов в Америке" ("Histoire generale des isles des Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l'Amérique") 1654 г. и "Всеобщая история Французских Антильских островов" ("Histoire generale des Antilles habitees par les Francais") 1667 - 1671 годов. Анализируя эти работы, он обнаружил параллельные с Эксквемелином места, по-видимому, отредактированные неизвестными переработчиками его рукописи: сведения о географии, флоре и фауне Вест-Индии, описания Тортуги, этнографические экскурсии, посвященные обычаям индейцев Эспаньолы, культуре сбора и производства какао и т. д. Каждый из редакторов преследовал свои цели, и, заимствуя те или иные фрагменты, по-своему интерпретировал их. "В конечном итоге, - резюмировал Уэлле, - любопытство читателя было возбуждено двумя способами, так как текст дает ему полное знание о странах и повествует об удивительных приключениях, о которых он никогда не читал"⁷⁴.

Последнее замечание вновь заставляет нас вернуться к вопросу о достоверности информации, изложенной Эксквемелином. Здесь встает не столько проблема подлинности авторского текста, сколько вопрос о жанре этого произведения. И дело не только в том, что в труде Эксквемелина, наряду с правдивой информацией мы обнаруживаем ошибочные сведения, намеренные искажения и некритическое принятие на веру различного рода слухов и сплетен, подхваченных автором из разговоров с пленными испанцами, буканьерами и флибустьерами - в конце концов, мемуарная литература предполагает подобные неточности. Речь идет о другом - насколько некоторые события, описанные Эксквемелином, вообще соответствовали действительности?

стр. 117

По-видимому, сомнения на этот счет испытывал и Свет, завершивший раздел своего "Предисловия" следующей фразой: "И уже не вина автора, если порой, эта действительность фантастичнее самого необузданного вымысла...". Действительно, некоторые персонажи книги Эксквемелина больше походят на литературных героев, нежели на участников исторических событий. К числу подобных героев, о которых ничего не сообщают документы, по-видимому, относятся попавший в нидерландский перевод Пьер Француз из Дюнкерка и мифологические персонажи французского издания 1686 г. Александр Железная Рука и Монбар Истребитель. Российскому читателю "Пиратов Америки" хорошо известен жестокий Бартоломео Португалец, последние дни которого Эксквемелин описал следующими словами: "Я видел, как он умирал в такой нужде, какую редко встретишь на свете"⁷⁵.

Реаль Уэлле, анализируя "Nouvelles de l'Amérique", высказал предположение: "Оригинальный материал, предоставленный, по-видимому, Эксквемелином послужил источником для двух типов произведений, достаточно различных, несмотря на их форму и тематику: анонимная новелла 1678 г. сделала из второстепенного персонажа "De Americaensche Zee-Roovers" 1678 г. и "Histoire des aventuriers" 1686 г. главного героя, наделенного психологической глубиной..."⁷⁶. В свою очередь, Эксквемелин, распоряжаясь имевшимся огромным материалом, действовал как самый настоящий романист⁷⁷. В первую очередь его интересовала коллективная биография флибусты, и, теряясь в

обилии разрозненного материала из личных впечатлений и известных ему обширных трудов Акосты и дю Тертра, Эксквемелин отходил от главной линии своего текста. Его труд, поэтому, остается не только интереснейшим свидетельством очевидца, прошедшего через бурные перипетии антильского пиратства. Текст Эксквемелина переступает границы исторически достоверного и попадает в приграничное пространство между апокрифической мемуарной литературой с бессмертным д'Артаньяном Гасьена де Куртиля де Сандра и плутовским романом с героями-пройдохами Гусманом де Альфараче и Жилем Бласом.

Примечания

1. О первых изданиях Эксквемелина см. подробнее: VRIJMAN M. L'identite d'Exquemelin. Les premiers editions de "L'Histoire des aventuriers". - Comite de travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section de geographie. Т. 48. Р. 1933.
2. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки / Пер. с голланд. и комм. Б. Аронова. Ред. и предисл. Я. М. Света. М. 1968.
3. ЭКСКВЕМЕЛИН А. Дневник пирата / Пер. с англ. М. В. Анфимова. М. 2011.
4. Выдержки из дневников Франсуа Массерти см.: МЕРЬЕН Ф. Энциклопедия пиратства. М. 1999.
5. EXQUEMELIN (OEXMELIN) A. O. Histoire des avanturiers qui se sont signalez dans les Indes, contenant ce qu'ils ont fait de plus remarquable depuis vingt anees avec la vie les moeurs et les coutumes des boucaniers et des habitans de S. Domingue et de la Tortue. Т. 1 - 2. Р. 1686.
6. См. предисловие к первому английскому переводу Эксквемелина, изданному У. Круком в 1684 г.
7. MOORE J.R. Defoe in the Pillory and Other Studies. Bloomington. 1939; MOORE J.R. Daniel Defoe. A Citizen of the Modern World. Chicago. 1958; FURBANK P.N., OWENS W.R. The Canonization of Daniel Defoe. L. 1988; SCHONHORN M. Defoe's Politics: Parliament, Power, Kingship and Robinson Crusoe. N.Y. 1991; REDIKER M. Libertalia: the Sailor's Lot and the Pirate's Utopia in the Early Eighteenth-Century Atlantic World. - Русское открытие Америки. Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Н. Н. Болховитинова. М. 2002; REDIKER M. Villains of All Nations: Atlantic Pirates in the Golden Age. Boston; L. 2004; CAPTAIN CHARLES JOHNSON. A General History of the Pirates. With an Introduction and Commentary by David Cordingly. L. 2002. Неопределенность с авторством этого произведения сказалась и в истории русских переводов Капитана Джонсона. В одном из них автором указан Джонсон (ДЖОНСОН Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М. 2009), а во втором - Д. Дефо (ДЕФО Д. Всеобщая история пиратства. СПб. 2010).
8. OUELLET R., VILLIERS P. Introduction. - EXQUEMELIN A. O. Histoire des aventuriers flibustiers. Р. 2005, р. 18.
9. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 6.

Geschiedenis. 1930, N 45, S. 225 - 236.

11. De americanische Zee-rovers door A.O. Exquemelin. Antwerpen; Amsterdam. 1931.

12. DE LA FONTAINE VERWEY H. The ship's surgeon Exquemelin and his book on the buccaneers. - Quaerendo. 1974. Vol. IV, N 2, p. 109 - 131. Историю полемики см.: SMEEKS H. Beeschryvinge van het magtig Koningryk Krinke Kesmes. Zutphen. 1976. Сегодня версию Хогервефа продолжает поддерживать Д. Лонгфилд-Джонс: LONGFIELD-JONES G.M. Buccaneering doctors. - Medical History. 1992, N 36, p. 187 - 206.

13. VRIJMAN V. L'Identite d'Exquemelin...; PIGNET H. Alexandre-Olivier Exquemelin, chirurgien des aventuriers 1646 - 1707. Montpellier. 1939; CAMUS M.-CH. Une note critique a propos d'Exquemelin. - Revue française d'histoire d'Outre-mer. 1990. Mars, p. 79 - 90. См. также: OUELLET R., VILLIERS P. Introduction...

14. ЭКСКВЕМЕЛИН АО. Пираты Америки, с. 28, 29.

15. LONGFIELD-JONES G.M. Buccaneering doctors..., p. 188 - 190. О врачебной деятельности Эсквемелина см.: SAVARE J. Flibuste et matiere medicate a propos d'Alexandre-Olivier Exmelin. - Revue d'histoire de la pharmacie. 1965, N 185, p. 325 - 333.

16. Книга Эсквемелина вызвала ярость его бывшего командира. Морган подал судебный иск на издателей и, обвинив их в клевете, выиграл процесс. По постановлению суда в качестве компенсации Моргану должны были выплатить 200 фунтов стерлингов и внести соответствующие поправки в новые издания книги. См. подробнее: FROHOCK R. Common mischaracterizations of early English translations of Exquemelin's "Buccaneers of America". - Notes and Queries. 2010. Vol. 57, N 4, p. 506 - 508.

17. В свидетельстве 1676 г., заверенном амстердамским нотариусом Адрианом Локком, записано, что Эсквемелин - житель Валансьена.

18. МИХЕЛЬ Д. Власть, знание и мертвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на западе в эпоху ранней современности. - Логос. 2003. Т. 39, N 4 - 5, с. 219 - 233.

19. GELFAND T. Paris: "certainly the best place for learning the practical part of anatomy and surgery". In: Centres of medical excellence? Medical travel and education in Europe, 1500 - 1789. Farnham. 2010, p. 240.

20. HARM DEN BOER. Amsterdam as "Lokus" of Iberian printing in the seventeenth and eighteenth centuries. In: The Dutch intersection: The Jews and the Netherlands in modern history. Brill. 2008, p. 96 - 98.

21. Похожим образом Давид де Кастро Тартас издал еще один перевод Буэна-Мэзона на испанский: книгу иезуита Фамиано Страды о Нидерландском восстании.

22. EXQUEMELIN (OEXMELIN) A.O. Histoire des aventuriers... T. I. Preface.

23. См. подробнее: TURCAN L. Les corsaires et les flibustiers de la lexicographie française. In: Les

Tyrans de la mer. Pirates, corsairs et flibustiers. Textes reunis par Sylvie Requemora et Sophie Linon-Chipon. P. 2002; PIOFFET M.-CH. Flibustiers et ecumeurs de la mer des Antilles a travers les mailles du discours viatique (XVIIe siecle). - Les Tyrans de la mer...

24. О происхождении понятий "буканьер" и "флибустьер" см.: ГУБАРЕВ В. К, Бертран д'Ожерон и колониальная политика Франции в Вест-Индии (60 - 70-е годы XVII в.). - Французский ежегодник. 1983. М. 1985; КОПЕЛЕВ Д. Н. Европейская экспансия XVI-XVII вв. и ее солдаты: пираты Антильских островов. В кн.: Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. Выборгские чтения (1). М. 2005.

25. LABAT J.-B. DE. Nouveau voyage aux Isles de l'Amerique. T. II. La Haye. 1724, p. 230.

26. Ibid.

27. Edit sur l'amiraute du mois de Mars 1584. In: PARDESSUS J.M. Collection des Lois Maritimes anterieures au XVIII-eme siecle. T. IV. P. 1837, p. 295 - 324.

28. TERTRE J.-B. DU. Histoire generale des Antilles habitees par les Frangais. T. III. P. 1671, p. 141.

29. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Histoire de l'Ole Espagnole ou de Saint-Domingue. T. I. P. 1730, p. 7.

30. См.: Le PETIT ROBERT. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue Franchise. P. 1985, p. 202; The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford. 1966; The Barnhart Dictionary of Etymology. N.Y. 1988.

31. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 8.

32. БЛОН Ж. Флибустьерское море. М. 1985, с. 37.

33. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 7.

34. TERTRE J.-B. DU. Histoire generate des Antilles..., p. 142; ЭКСКВЕМЕЛИН А.О. Пираты Америки..., с. 50.

35. АРХЕНГОЛЬЦ Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М. 1991, с. 12.

36. LABAT J.-B. DE. Nouveau voyage... T. II, p. 257.

37. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 8.

38. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 47.

39. TERTRE J.-B. DU. Histoire generate des Antilles..., p. 142.

40. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 50.

41. Там же, с. 47.

42. Вступая в брак, мужчины покидали букан и перебирались в поселки, начиная вести оседлый образ жизни.

43. "Буканьеры сдирают со свиней шкуру, обрубают мясо с костей и режут его на куски в локоть длиной, иногда куски чуть больше, иногда чуть меньше. Затем мясо посыпают молотой солью и выдерживают в особом месте часа три или четыре, после чего свинину вносят в

стр. 119

хижину, плотно затворяют дверь и развешивают мясо на палках и рамах, коптят его до тех пор, пока оно не станет сухим и твердым. Тогда оно считается готовым, и его уже можно упаковывать. Приготовив две или три тысячи фунтов мяса, охотники поручают одному из буканьеров доставить заготовленное мясо плантаторам. За каждый фунт мяса они получают два фунта табаку" (ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 51, 52).

44. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 48.

45. NEWTON A.P. The European Nations in the West Indies, 1493 - 1688. L. 1933, p. 239, 240.

46. LA RONCIERE CH. DE Histoire de la Marine Francaise. T. IV. P. 1910, p. 362.

47. DEBIEN G. Les engages pour les Antilles (1634 - 1715). Abbeville. 1951, p. 89 - 91.

48. Имеется в виду оружие для охоты: либо тесак или нож, либо пищаль.

49. DEBIEN G. Les engages pour les Antilles, p. 49.

50. RABB TH.K. Enterprise and Empire. Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575 - 1630. Cambridge. 1967, p. 149.

51. Ibid.

52. Colonizing Expeditions to the West Indies and Guiana, 1623 - 1667. L. 1925, p. 16.

53. TURCAN I. Les corsaires et les flibustiers..., p. 36.

54. См. подробнее: DAMPIER G. Supplement du voyage autourdu Monde, contenant une Description d'Achin, ville de Sumatra, du Royaume de Tonquin et autres places des Indes et de la Baye de Campeche. Amsterdam. 1701.

55. COLES E. English Dictionary: explaining the difficult terms that are used in divinity, husbandry, physick, phylofophy, law, navigation, mathematicks, and other arts and sciences by E. Coles. L. 1676; B. E. New Dictionary of the Terms Ancient and Modern of the Canting Crew. L. 1698, p. 29. Автор последнего сочинения, скрывшийся под псевдонимом, по-видимому, был офицером английского

флота и проявлял повышенный интерес к морской терминологии. Составленный им словарь считался одним из наиболее авторитетных в подобных вопросах (COLEMAN J. A History of Cant and Slang Dictionaries. Vol. I. 1567 - 1784. Oxford. 2004).

56. BLOME R. A Description of the Island of Jamaica, with the Other Isles and Territories in America. Year 1672. In: English Historical Documents. Vol. VIII. L. 1956, p. 562.

57. Dictionnaire historique de la langue Franchise. Vol. 1 - 2. P. 1992.

58. См., напр.: A Dictionary of the Low-Dutch Element in the English Vocabulary. Hague. 1939.

59. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 8.

60. Возможно, что происхождение слова "флибот" (*англ.* fly-boat, *франц.* flibot) связано с голланд. vlieboot, обозначавшим быстрое небольшое судно, на котором морские грезы сражались против испанцев (Oxford English Dictionary. Vol. 5. 1989, p. 1119).

61. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 67.

62. SAVARY J. Dictionnaire Universel du Commerce. T. IV (Commerce et Compagnies). Geneve. 1750, p. 104.

63. CHARLEVOIX P.-F.-X. DE. Op. cit., p. 11.

64. PLUCHON P., BOUCHE D. Histoire de la colonisation francaise. T. I. Le Premier Empire colonial. Des origines a la Restauration. P. 1991, p. 381, 382.

65. TAILLEMITE ET. Les problemes de la marine de guerre au XVII-e siecle. In: XVII-e Siecle. 1970, p. 86 - 87; SPATE O.H.K. Monopolists and Freebooters. Canberra. 1985; REDIKER M. Between the Devil and the Deep Blue Sea. Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700 - 1750. Cambridge - N.Y. 1987; PERRON J.-F. Flibustiers, corsairs et pirates: l'impact de leurs actions sur le decline de l'empire Espagnol d'Amerique au XVII-e siecle. Quebec. 2001; ГУБАРЕВ В. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М. 2009.

66. ГУБАРЕВ В. К. Бертран д'Ожерон..., с. 219.

67. NEWTON A.P. The European Nations..., p. 323, 324.

68. Биографию маркиза де Ментенона см.: LAPRISE R. Figures de Proue: un dictionnaire biographique de la flibuste (<http://membre.oricom.ca/yarl/m/m.html>). Русскоязычная версия, подготовленная М. Жаровым, представлена на веб-сайте "Веселый Роджер": ЖАРОВ М; Ментенон, Шарль-Франсуа д'Анжен, маркиз де (<http://www.privateers.ru/notorious-persons/mentenon.html>).

69. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 8.

70. EXQUEMELIN (OEXMELIN) A. O. Histoire des aventuriers... T. I. Preface.

71. BEECHING J. Introduction. In: EXQUEMELIN A.O. The buccaniers of America / Translated by Alexis Brown. Introduction by Jack Beeching. Harmondsworth. 1969, p. 19, 20.

72. Терра Фирма (исп. Terra Firma - "твердая земля") - название северо-западной части Южной Америки, охватывавшей долины Ориноко и Амазонки, а также побережье Тихого океана и Карибского моря.

73. OUELLET R. Fiction et realite..., p. 285. Уместно заметить, что в 1699 г. во Франции вышло расширенное двухтомное издание книги Эксквемелина, хронологически продолженное до захвата в 1697 г. испанской Картахены французской эскадрой капитана I ранга Жана Бернара Луи Дежана, барона де Пуэнти, и флибустьерским отрядом губернатора французской части Сан-Доминго Жана-Батиста Дюкасса.

74. OUELLET R. Fiction et realite..., p. 286.

75. ЭКСКВЕМЕЛИН А. О. Пираты Америки, с. 73.

76. OUELLET R. Fiction et realite..., p. 296.

77. Анализируя произведение Эксквемелина, Уэлле, например, предположил, что оно послужило источником для А.-Р. Лесажа в работе над "Приключениями Робера Шевалье, прозванного Бошеном, капитана флибустьеров в Новой Франции" 1732 г.